

Культура. — 2003. —
10 — 16 апр. — с. 14

Страсти по "Мастеру"

К истории публикации романа Михаила Булгакова

Уже завершились, кажется, баталии вокруг проекта памятника Михаилу Афанасьевичу Булгакову в Москве на Патриарших прудах. Для себя из них я вынес следующее наблюдение: споры не затронули главного, а именно — быть или не быть памятнику. В том, что "быть", сошлись все: от тех, кому он показан неудобным своими размерами и потому — покушением на их права, до тех, кто великодушно почитал, что Булгаков стоит жертв.

И еще об одном подумалось: для сегодняшнего читателя Булгаков — классик несомненный, как Пушкин, как Достоевский. Возможно, большинство даже убеждено: Булгаков был всегда. Человек 35 — 40-летний, приступая к чтению вершинного булгаковского творения "Мастер и Маргарита", вряд ли задумывается о том, что они ровесники — он и книга. Что они почти одновременно пришли в этот мир. Конечно, и до "Мастера" существовала великая мировая литература. И все же это была литература без "Мастера". Жил на свете талантливый русский писатель Михаил Булгаков, автор не сходящей с афиши МХАТа пьесы "Дни Турбиных". Но это был еще не тот Булгаков, не автор "Мастера и Маргариты", книги, которая, как "Дон Кихот" или "Свадьба Фигаро", переведена на все живые языки.

О "Мастере" существует обширная литература. Лучшим в ней я лично считал недавние телевизионные беседы Анатолия Смелянского. Приложив руку к "Мастеру" десятки, а может, и сотни талантливых исследователей, толкователей, комментаторов, популяризаторов. О романе и его творце ныне известно, пожалуй, все, того достойное. Остается "малое", но столь же необходимое в интересах справедливости. Добавлю: и в интересах науки. Ибо в любом деле кто-то бывает первым: высказывает догадку, наталкивается на неизвестное, делает все возможное, чтобы открытие из "вещи в себе" стало "вещью для нас".

К сожалению, чем больше пишется о "Мастере", тем дальше уходят в Лету имя этого Первого и имена других замечательных людей, без которых все его старания утек-ли бы в песок. Важно ли сохранить их для нашего литературоведения и вообще сохранить их в памяти? Очень важно, тем более что ни сам Первый, ни его сподвижники никогда не подчеркивали своего перво-продолства.

По праву близкого друга и непосредственного свидетеля пятилет-них исканий мой долг назвать Пер-вого — доктор филологических наук Абрам Зиновьевич Вулис (1928 — 1993). Упоминание его имени и объ-ективную оценку его роли в судьбе романа "Мастер и Маргарита" в пе-чати я встретил единственный раз в интересной статье В.И.Лосева "К истории воскрешения "Мастера". Столь долгое молчание, возможно, — следствие того, что А.З.Вулис не был московским профессором, хотя многочисленные его книги выходили, как правило, в Москве. Как бы то ни было, справедливость требует раскрыть этот сюжет полнее.

В начале 1962 года А.Вулис, тогда еще сотрудник Ташкентского инсти-тута литературы и уже автор издан-ной в Москве увлекательно напи-санной монографии об Ильфе и Пе-трове, включился в следующий ви-ток избранной для себя научной те-мы — советская сатира. Темы весьма нежной — и ввиду неразработанно-сти теории, и потому, что сатириче-ская поле к тому времени было плотно заминировано фигурами умолчания, оставшимися от про-шлых лет: того и гляди, наткнешься на кого-либо и не поздоровится. Из огромного потока сатирической литературы 20 — 30-х годов была на-чисто исключена треть, а может, и три четверти написанного.

И началось: в Ленинке с десяти утра до десяти вечера. Рассказы-вал: "Листая библиографические справочники, напоминаю себе су-масшедшего из анекдота, читающе-го телефонную книгу. По фамилии автора или названию вещи пыта-юсь понять, что передо мною. К примеру, "Фабрика Рабле": про-должение "Аргантоа и Пантэриоз-ля"? Оказывается, всего-навсего сочинение о профсоюзной работе на частнокапиталистическом пред-приятии. Наконец, наталкиваюсь на повесть "Роковые яйца" Булгакова. Сюжет не ахти, но отдельные листы просто кипят... Интересно, что у не-го есть еще сатирического?"

Булгаковский "Мольер" — вещь не сатирическая, но все-таки булга-ковская. Издана только что, в 62-м. Напутствуя ее, В.Каверин упоминает неопубликованный роман того же автора "Мастер и Маргарита". О чем он? Какую по силе? Где нахо-дится? Сербия литературоведа уда-чно забылся.

Забуду вперед: в 1965 году в Таш-кенте вышла монография А.З.Вули-са "Советский сатирический роман". В ней детально анализируется творчество отъявленных привержен-цев этого вечно живого и вечно го-нимого жанра на всем протяжении 20-х годов. С широко известными Зошенко, Замiatным, Колыновым, Олешей, В.Ивановым, Эренбургом, Ильфом и Петровым автор вводит в поле своего зрения забытых к ше-стидесятым годам Н.Никитина, А.Соболя, А.Шилова, А.Успенского, Е.Зозули и целый сонм имен, посвя-тивших себя жанру по своему воз-действию сродни красному платку для быка.

Но главное достоинство моно-графии для меня и для многих, с ув-лечением ее читавших, — раздел "Поединок света с мраком", в кото-ром основательно рассматривает-ся "Театральный роман" и "Мастер и Маргарита" М.А.Булгакова, тогда еще не опубликованного. С особым благоговением встречались сноски к общим романам: "Рукопись... на-ходится у вдовы писателя Е.С.Бул-гаковой". Писалась эта глава в 1963 — 1964 годах и была самым первым опытом анализа "Мастера". И не только анализа, а вообще пер-вым контекстом текста романа, до-толе известного, кроме вдовы Ми-хаила Афанасьевича Елены Серге-евны, еще только Анне Андреевне Ахматовой и Вениамину Каверину. (Елена Сергеевна показывала "Ма-стера" Анне Андреевне в Ташкенте, в эвакуации, то есть за двадцать лет до того, как впервые было пуб-лично произнесено название рома-на. А вот кто давал его Каверину — уж не сам ли автор?..)

Неопубликованное произведение

в целом "закрытого" автора — это ли не находка для докторанта! Но ру-копись, как выясняется, мало ска-зать — бдително, ревниво сохра-няется вдовой писателя. И прежде чем ввести роман в историю лите-ратуры, предстояло элементарно войти в дом Елены Сергеевны. На-сколько непросто это оказалось, не-трудно догадаться по первому теле-фонному разговору докторанта с вдовой. Передаю его в изложении самого А.З.Вулиса.

— С вами говорит ташкентский литературовед такой-то. Собираю материал для монографии о совет-ской сатире. Я автор книги об Иль-фе и Петрове, выпущенной Гослит-издатом. Только что познакомился с повестью Булгакова "Роковые яй-ца": Судя по этому произведению, Булгаков тоже талантливый писа-тель... Возможно, после него оста-лись интересные рукописи.

После такого начала, выдающего с головой неподготовленного ис-кателя редкостей, разговор принимает крутой оборот.

— Вы состоите в Союзе писате-лей? — Состою.

— Может быть, вы один из тех, кто ровно ничего не делает, чтоб воздать должное памяти великого русского писателя Булгакова? Кто не печатает сочинения Михаила Афанасьевича...

Я, рассказывает Вулис, разуме-ется, ничего не знал, что как отно-сится к памяти и имени Михаила Афанасьевича. В голове одно: най-ти неопубликованный роман. Лепе-чу извинения. И удостоиваюсь цар-ской милости:

— Позвоните через несколько дней. Но ничего определенного не обещаю. Никаких рукописей у меня для вас нет. Сатирических романов после Михаила Афанасьевича не осталось. "Мастер и Маргарита" — это философский роман.

— Каждый философский роман — сатирический.

— Не знаю, не знаю...

Через день-два на втором этаже дома на Суворовском бульваре, у Никитских Ворот, одним боком по-вернутого к церкви Вознесения, по-является тот самый ташкентский литературовед. Очки, всклокочен-ная шевелюра. Все, что было да-лее, напоминало экзамен. Как отно-ситесь к автору "Дней Турбиных"? Видели ли спектакль МХАТа? Знае-те ли, что в Ленинграде поставлен "Бег"? Читали ли фельетоны Бул-гакова? Вот, почитайте. И в руках у гостя оказывается толстый пере-плетенный томик форматом в полу-вину машинописной страницы.

— Никто после Достоевского не входил в русскую литературу так за-метно, как Булгаков, — приводит слова Максимилиана Волошина Елена Сергеевна. — Версесам по-мógł ему в трудное время. Например, зайками. Потом у них вышла раз-молвка из-за Пушкина.

Гость продолжает читать фелье-тоны. Елена Сергеевна продолжает вспоминать.

— Незадолго до смерти Михаила Афанасьевича его посетил Фадее-в. "Зойкина квартира" перестала идти вскоре после премьеры... "Дни Турбиных" и "Последние дни" — то-лько что вышли отдельной книжкой... Портрет Булгакова с покресневши-ми глазами и повязкой на лбу рисо-вал художник Дмитрий...

При следующей встрече на круг-лом столике красного дерева лежал такой же самодельный фолант ма-лого размера в кожаном переплете. — "Записки покойника", — сказала Елена Сергеевна. На титульном ли-сте был подзаголовок "Театральный роман". — Театральный роман тоже ведь может быть сатирическим, — улыбалась Елена Сергеевна.

Пока гость читал "Театральный роман", она интересовалась, как ему понравился такой-то эпизод, та-кая-то ситуация? Кого из героев с кем вы связываете? С кого, на-пример, списан Бомбардов?

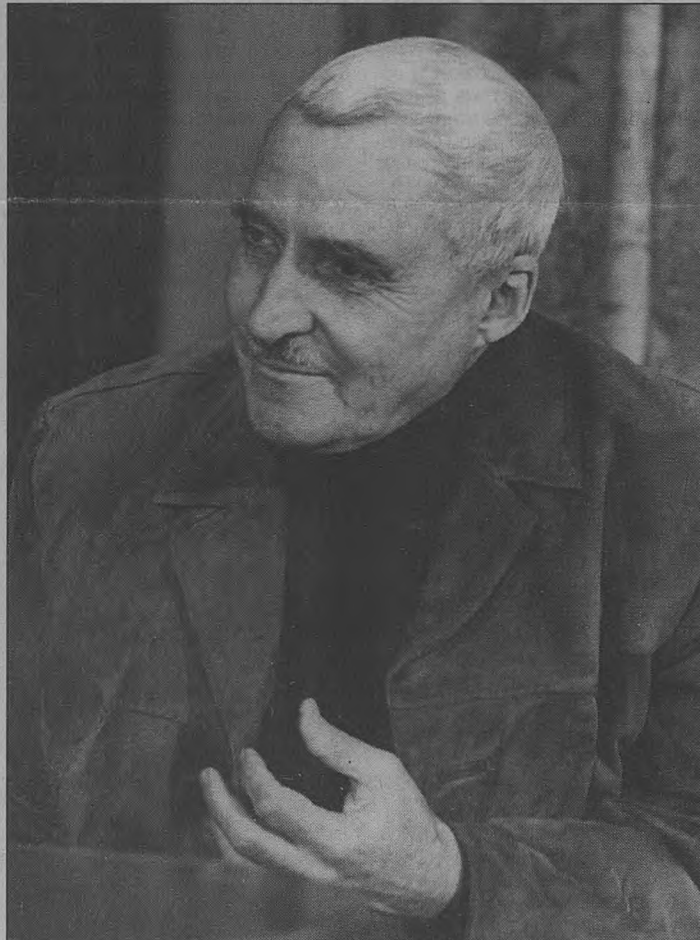
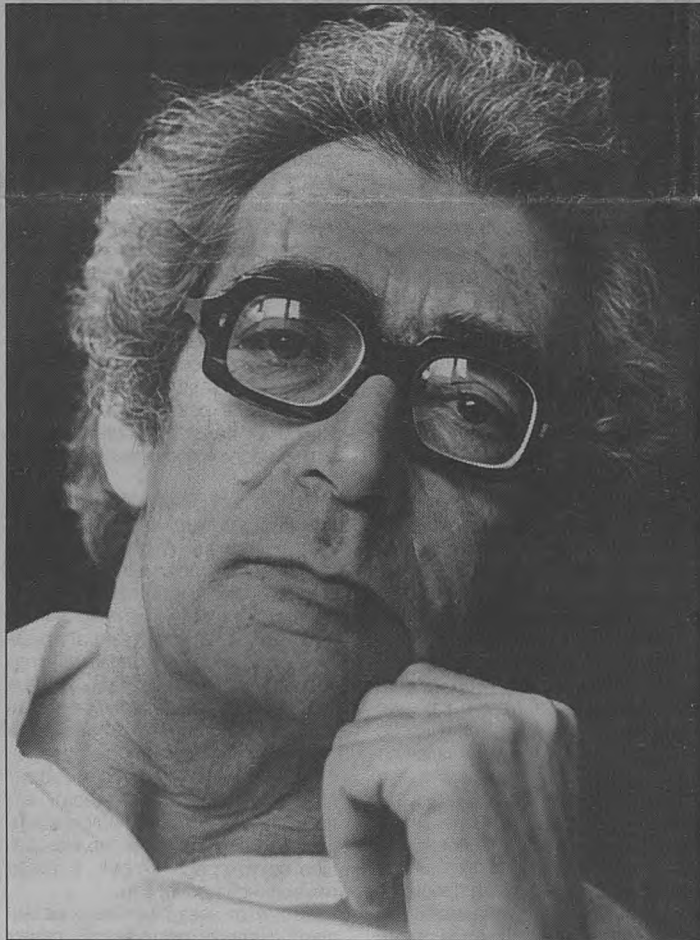
Бомбардов в романе сопровож-дает Максудова как тень. И Вулис предполагает, что Бомбардов вроде Вергилия у Данте. Такая фигура, этаким Никто, присутствует и во многих сатирических романах. А они в театре до сих пор спорят. Один утверждает: "Я Бомбардов!" Другой лезет в бутылку: "Бомбар-дов — это я!"

И при прощании говорит: "Завтра будете читать "Мастера и Мар-гариту".

Те же томичи домашнего собра-ния сочинений, те же кожаные пе-

Николай Радлов. "Портрет М.А.Булгакова". 1928 г. (Из собрания И.Я.Сининой, Москва)

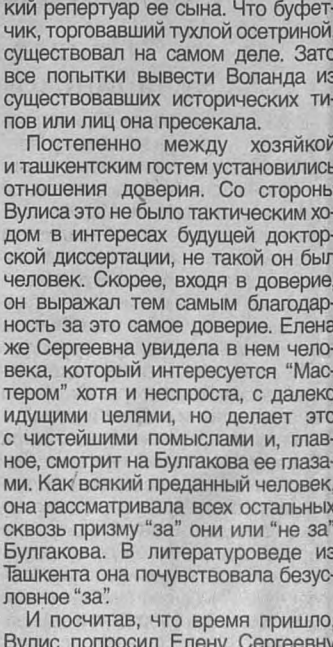

Слева: Абрам Вулис. Справа: Константин Симонов

реплеты. Первые страницы: пред-закатный зной на Патриарших пруд-ях, будничка с надписью "Пиво-в-ды" да абрикосовая, которая дает обильную желтую пену, пахнущую парикмахерской. Но куда уже на следующих страницах из знойного воздуха сотканы прозрачный граж-данин престранного вида, когда на-чался спор между Берлиозом и Иваном Бездомным и появился Воланд, удивление переросло в рас-терянность. А тут еще — в белом пла-ще с кровавым подбоем, шаркаю-щей кавалерийской походкой ран-ним утром четнадцатого числа весеннего месяца иснана в крытую конюшню между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел про-куратор Иудеи Понтий Пилат...

Пересказывая, Вулис не мог сдержаться: "Роман буживал вокруг меня, надо мной, во мне, точно мо-гущественная непонятная стихия, и я ничего не мог поделать ни с со-бой, ни с романом. Он жил своей особенной жизнью, не поддаваясь никакому анализу. Отрываясь от пожелтевших страниц, я с трудом понимал, что за окнами Суворов-ский бульвар шестидесяти второго года, а не Садовое кольцо тридца-того и не Еришалаи времен Понтия Пилата? Сколько ни призывал он се-бе в помощь удобные литературо-ведческие категории — сюжет, кон-фликт, характер, — закрепить "Ма-стера и Маргариту" за знакомой по-лочкой не удавалось. "Мастер" стру-ился единым сквозным сном.

Они много говорили с Еленой Сергеевной. Его, понятно, интере-совало, с кого писал Булгаков ту или иную фигуру, когда он влезал за эту или иную главу (черствый хлеб исследователя). Для нее же роман был частью ее собственной судьбы, или, точнее, ее метафорической версии. И все же кое-что из ее слов удавалось выписать в утили-тарных, так сказать, целях. Напри-мер, что некоторые шутливые фра-зы Бегемота отражают мальчишес-

Справа: страница рукописи "Мастера и Маргариты"

Слева: Е.Булгакова. 1930-е гг.

Справа: страница рукописи "Мастера и Маргариты"

кий репертуар ее сына. Что буфет-чик, торговавший тухлой остринкой, существовал на самом деле. Зато все попытки вывести Воланда из существовавших исторических ти-пов или лиц она пресекла.

Постепенно между хозяйкой и ташкентским гостем установились отношения доверия. Со стороны Вулиса это не было тактическим хо-дом в интересах будущей доктор-ской диссертации, но такой он был человек. Скорее, входя в доверие, он выражал тем самым благодар-ность за это самое доверие. Елена же Сергеевна увидела в нем чело-века, который интересуется "Ма-стером" хотя и неспроста, с далеко идущими целями, но делает это с чистейшими помыслами и, глав-ное, смотрит на Булгакова ее глаза-ми. Как всякий преданный человек, она рассматривала всех остальных сквозь призму "за" или "не за" Булгакова. В литературоведении Булгакова она почувствовала безус-ловное "за".

И посчитав, что время пришло, Вулис попросил Елену Сергеевну

и гуляет сегодня по свету в ранге канонического. Другие же экзем-пляры, если и сохранились, никому и никогда предъявлены не были.

В тот раз, однако, Елена Сергеев-на все же не дала рукописи для вы-писки. Позже она объяснила поче-му: "Я бы дала вам рукопись, но по-советовалась с Ним, — она посмот-рела на портрет иронически улыба-ющегося Булгакова, висевший на стене, — а Он не велит".

Глава из монографии "Советский сатирический роман", в которой по-дробно излагалась фабула "Масте-ра и Маргариты" и рассматривались вблизи его персонажи, определила первую публикацию романа почти на два года. В этом смысле она бы-ла в своем роде исключительным случаем в литературе. Но человека, решившегося на такой неосжида-ный ход, извиняют два обстоятель-ства. Это было сделано с согласия хранительницы булгаковского на-следия Е.С.Булгаковой, никогда впоследствии не предъявлявшей по этому поводу никаких претензий.

Во-вторых, не будь этой главы, это-го очень близкого к тексту изложе-ния коллизий великого романа, он, возможно, так и не появился бы на литературном горизонте. Никогда.

В таком утверждении нет ни ма-лейшей натяжки. Рассказанное здесь относится к шестидесяти вто-рому году. А первая часть романа была опубликована в одиннадцатой книжке журнала "Москва" за шестидесяти шестой год. Вторая — в первой книжке за шестидесяти седьмой год. Ожидание растнуло на пять лет. Но твердый замысел оформился уже тогда, в квар-тире на Суворовском бульваре, в ко-торой, по правде говоря, Булгаков никогда не жил, но которая старин-ными Елены Сергеевны была превра-щена в шестидесяти шестой. Оба мечтали: в этом году (то есть в шестидесяти шестом) вышел "Мо-льер". Потом будут пьесы, включая "Полусонного Журдена". Уже запла-нирована "Белая гвардия". За ней "Театральный роман". ("Записки по-койника" были напечатаны в "Но-вом мире" как "Театральный роман". Организовавший эту публикацию К.М.Симонов пошутил: "Лучше на-печатать "Театральный роман", чем не напечатать "Записки покойника".)

— И тогда я предъявлю "Масте-ра" — победно изложил этот план действий Елена Сергеевна. — То

и глотает сегодня по свету в ранге канонического. Другие же экзем-пляры, если и сохранились, никому и никогда предъявлены не были.

В тот раз, однако, Елена Сергеев-на все же не дала рукописи для вы-писки. Позже она объяснила поче-му: "Я бы дала вам рукопись, но по-советовалась с Ним, — она посмот-рела на портрет иронически улыба-ющегося Булгакова, висевший на стене, — а Он не велит".

Глава из монографии "Советский сатирический роман", в которой по-дробно излагалась фабула "Масте-ра и Маргариты" и рассматривались вблизи его персонажи, определила первую публикацию романа почти на два года. В этом смысле она бы-ла в своем роде исключительным случаем в литературе. Но человека, решившегося на такой неосжида-ный ход, извиняют два обстоятель-ства. Это было сделано с согласия хранительницы булгаковского на-следия Е.С.Булгаковой, никогда впоследствии не предъявлявшей по этому поводу никаких претензий.

Во-вторых, не будь этой главы, это-го очень близкого к тексту изложе-ния коллизий великого романа, он, возможно, так и не появился бы на литературном горизонте. Никогда.

В таком утверждении нет ни ма-лейшей натяжки. Рассказанное здесь относится к шестидесяти вто-рому году. А первая часть романа была опубликована в одиннадцатой книжке журнала "Москва" за шестидесяти шестой год. Вторая — в первой книжке за шестидесяти седьмой год. Ожидание растнуло на пять лет. Но твердый замысел оформился уже тогда, в квар-тире на Суворовском бульваре, в ко-торой, по правде говоря, Булгаков никогда не жил, но которая старин-ными Елены Сергеевны была превра-щена в шестидесяти шестой. Оба мечтали: в этом году (то есть в шестидесяти шестом) вышел "Мо-льер". Потом будут пьесы, включая "Полусонного Журдена". Уже запла-нирована "Белая гвардия". За ней "Театральный роман". ("Записки по-койника" были напечатаны в "Но-вом мире" как "Театральный роман". Организовавший эту публикацию К.М.Симонов пошутил: "Лучше на-печатать "Театральный роман", чем не напечатать "Записки покойника".)

— И тогда я предъявлю "Масте-ра" — победно изложил этот план действий Елена Сергеевна. — То

и глотает сегодня по свету в ранге канонического. Другие же экзем-пляры, если и сохранились, никому и никогда предъявлены не были.

В тот раз, однако, Елена Сергеев-на все же не дала рукописи для вы-писки. Позже она объяснила поче-му: "Я бы дала вам рукопись, но по-советовалась с Ним, — она посмот-рела на портрет иронически улыба-ющегося Булгакова, висевший на стене, — а Он не велит".

Глава из монографии "Советский сатирический роман", в которой по-дробно излагалась фабула "Масте-ра и Маргариты" и рассматривались вблизи его персонажи, определила первую публикацию романа почти на два года. В этом смысле она бы-ла в своем роде исключительным случаем в литературе. Но человека, решившегося на такой неосжида-ный ход, извиняют два обстоятель-ства. Это было сделано с согласия хранительницы булгаковского на-следия Е.С.Булгаковой, никогда впоследствии не предъявлявшей по этому поводу никаких претензий.

Во-вторых, не будь этой главы, это-го очень близкого к тексту изложе-ния коллизий великого романа, он, возможно, так и не появился бы на литературном горизонте. Никогда.

В таком утверждении нет ни ма-лейшей натяжки. Рассказанное здесь относится к шестидесяти вто-рому году. А первая часть романа была опубликована в одиннадцатой книжке журнала "Москва" за шестидесяти шестой год. Вторая — в первой книжке за шестидесяти седьмой год. Ожидание растнуло на пять лет. Но твердый замысел оформился уже тогда, в квар-тире на Суворовском бульваре, в ко-торой, по правде говоря, Булгаков никогда не жил, но которая старин-ными Елены Сергеевны была превра-щена в шестидесяти шестой. Оба мечтали: в этом году (то есть в шестидесяти шестом) вышел "Мо-льер". Потом будут пьесы, включая "Полусонного Журдена". Уже запла-нирована "Белая гвардия". За ней "Театральный роман". ("Записки по-койника" были напечатаны в "Но-вом мире" как "Театральный роман". Организовавший эту публикацию К.М.Симонов пошутил: "Лучше на-печатать "Театральный роман", чем не напечатать "Записки покойника".)

— И тогда я предъявлю "Масте-ра" — победно изложил этот план действий Елена Сергеевна. — То

и глотает сегодня по свету в ранге канонического. Другие же экзем-пляры, если и сохранились, никому и никогда предъявлены не были.

В тот раз, однако, Елена Сергеев-на все же не дала рукописи для вы-писки. Позже она объяснила поче-му: "Я бы дала вам рукопись, но по-советовалась с Ним, — она посмот-рела на портрет иронически улыба-ющегося Булгакова, висевший на стене, — а Он не велит".

Глава из монографии "Советский сатирический роман", в которой по-дробно излагалась фабула "Масте-ра и Маргариты" и рассматривались вблизи его персонажи, определила первую публикацию романа почти на два года. В этом смысле она бы-ла в своем роде исключительным случаем в литературе. Но человека, решившегося на такой неосжида-ный ход, извиняют два обстоятель-ства. Это было сделано с согласия хранительницы булгаковского на-следия Е.С.Булгаковой, никогда впоследствии не предъявлявшей по этому поводу никаких претензий.

Во-вторых, не будь этой главы, это-го очень близкого к тексту изложе-ния коллизий великого романа, он, возможно, так и не появился бы на литературном горизонте. Никогда.

В таком утверждении нет ни ма-лейшей натяжки. Рассказанное здесь относится к шестидесяти вто-рому году. А первая часть романа была опубликована в одиннадцатой книжке журнала "Москва" за шестидесяти шестой год. Вторая — в первой книжке за шестидесяти седьмой год. Ожидание растнуло на пять лет. Но твердый замысел оформился уже тогда, в квар-тире на Суворовском бульваре, в ко-торой, по правде говоря, Булгаков никогда не жил, но которая старин-ными Елены Сергеевны была превра-щена в шестидесяти шестой. Оба мечтали: в этом году (то есть в шестидесяти шестом) вышел "Мо-льер". Потом будут пьесы, включая "Полусонного Журдена". Уже запла-нирована "Белая гвардия". За ней "Театральный роман". ("Записки по-койника" были напечатаны в "Но-вом мире" как "Театральный роман". Организовавший эту публикацию К.М.Симонов пошутил: "Лучше на-печатать "Театральный роман", чем не напечатать "Записки покойника".)

— И тогда я предъявлю "Масте-ра" — победно изложил этот план действий Елена Сергеевна. — То

и глотает сегодня по свету в ранге канонического. Другие же экзем-пляры, если и сохранились, никому и никогда предъявлены не были.

В тот раз, однако, Елена Сергеев-на все же не дала рукописи для вы-писки. Позже она объяснила поче-му: "Я бы дала вам рукопись, но по-советовалась с Ним, — она посмот-рела на портрет иронически улыба-ющегося Булгакова, висевший на стене, — а Он не велит".

Глава из монографии "Советский сатирический роман", в которой по-дробно излагалась фабула "Масте-ра и Маргариты" и рассматривались вблизи его персонажи, определила первую публикацию романа почти на два года. В этом смысле она бы-ла в своем роде исключительным случаем в литературе. Но человека, решившегося на такой неосжида-ный ход, извиняют два обстоятель-ства. Это было сделано с согласия хранительницы булгаковского на-следия Е.С.Булгаковой, никогда впоследствии не предъявлявшей по этому поводу никаких претензий.

Во-вторых, не будь этой главы, это-го очень близкого к тексту изложе-ния коллизий великого романа, он, возможно, так и не появился бы на литературном горизонте. Никогда.

В таком утверждении нет ни ма-лейшей натяжки. Рассказанное здесь относится к шестидесяти вто-рому году. А первая часть романа была опубликована в одиннадцатой книжке журнала "Москва" за шестидесяти шестой год. Вторая — в первой книжке за шестидесяти седьмой год. Ожидание растнуло на пять лет. Но твердый замысел оформился уже тогда, в квар-тире на Суворовском бульваре, в ко-торой, по правде говоря, Булгаков никогда не жил, но которая старин-ными Елены Сергеевны была превра-щена в шестидесяти шестой. Оба мечтали: в этом году (то есть в шестидесяти шестом) вышел "Мо-льер". Потом будут пьесы, включая "Полусонного Журдена". Уже запла-нирована "Белая гвардия". За ней "Театральный роман". ("Записки по-койника" были напечатаны в "Но-вом мире" как "Театральный роман". Организовавший эту публикацию К.М.Симонов пошутил: "Лучше на-печатать "Театральный роман", чем не напечатать "Записки покойника".)

— И тогда я предъявлю "Масте-ра" — победно изложил этот план действий Елена Сергеевна. — То

и глотает сегодня по свету в ранге канонического. Другие же экзем-пляры, если и сохранились, никому и никогда предъявлены не были.

В тот раз, однако, Елена Сергеев-на все же не дала рукописи для вы-писки. Позже она объяснила поче-му: "Я бы дала вам рукопись, но по-советовалась с Ним, — она посмот-рела на портрет иронически улыба-ющегося Булгакова, висевший на стене, — а Он не велит".

вым, выступавшим на защите его кандидатской диссертации не-сколько лет назад. Емь он и позво-нил, вкратце изложив суть дела. "Почему только романа?" — спросил Симонов. — А рассказы, па-родии, эпиграммы? — И комедии? — съехидничал ав-тор проекта.

— Обязательно "Клоп" и "Баня" Маяковского, "Чужой ребенок" Шваркина...

— И "Стрелуха"? — И "Стрелуха". Париж стоит мес-сы.

Просматривая список дальше, Симонов остановился: — А что это — "Мастер и Марга-рита"? — Составитель проекта мямлил: — Это очень сложный роман. Дей-ствие происходит в двух време-нах... Сатана попадает в Москву тридцатых годов...

— Скажите проще: это за совет-скую власть или против? — Что ответить? Но Симонов и не ждал ответа. Он рассуждал: "Гос-лит" — это надолго, пока раскacha-ются... Ориентируемся на "Ого-нек" — двадцать четыре тома еже-годного приложения... Тolia (звонил он А.В.Софронову), тут есть одна идея. Не можешь ли выде-лать время?"

Двадцать восьмого ноября шестидесяти второго года (Вулис за-помнил день, поскольку это был день рождения Константина Михай-ловича) он приехал в "Огонек". Си-монов уже был там. Через минуту прибыл Софронов. Пропустил впе-ред Симонова, но Симонов вышел: "Что же вы? Ради вас собрались..."

— Чтобы не объяснять долго, про-чти вот это, — и Симонов протянул хозяину кабинета кардинально ви-доизмененный проспект будущего издания.

— А что такое Булгаков, "Теат-ральный роман", "Мастер и Марга-рита"? — Все это надо еще продумать, — примирительно сказал Симонов.

— Замечательная идея, — доволь-но потирал руки Софронов. — Чита-телю — наслаждение, издательст-ву — прибыль, нам — слава.

Проект имел, однако, ахиллесову-пятну. Приложение к "Огоню" выпу-скалось на основе ранее существо-вавших тщательно подготовленных изданий. У "Библиотеки сатиры и юмора" такого прочного тыла не было. К примеру, тот же "Мастер" нуждался в серьезном научном комментарии. По плечу ли такая ра-бота журналу без самостоятельной книжной редакции? Помощь де-лу взялся тогдашний ответственный секретарь "Огонька" Генрих Боро-вик. Но дело само по себе было слишком трудным. Поиски издателя продолжались.

Тем не менее публичная жизнь романа, как говорится, поменьше-полегонку началась. Его коллизии, главным образом, по изложению их в монографии Вулиса, стали извест-ными все расширяющемуся кругу людей и кроме Симонова, Софро-нова, Боровика. Вулису рассказали, в частности, что Симонов использо-вал его монографию в виде научно-го аргумента, когда решался вопро-с, включать или не включать статью с упоминанием "Мастера", еще не опубликованного, в шеститомник В.Каверина. Комиссия по литера-турному наследию Булгакова, где председательствовал Симонов, по-ложила рукопись романа перед ре-дактором журнала "Москва" Евге-нием Ефимовичем Поповкиным, не забыв приобщить к ней толкова-ние-комментарий Вулиса. Поповкин прочел и сказал: "О романе так по-добно лишить, пора печатать".

Тем не менее публичная жизнь романа, как говорится, поменьше-полегонку началась. Его коллизии, главным образом, по изложению их в монографии Вулиса, стали извест-ными все расширяющемуся кругу людей и кроме Симонова, Софро-нова, Боровика. Вулису рассказали, в частности, что Симонов использо-вал его монографию в виде научно-го аргумента, когда решался вопро-с, включать или не включать статью с упоминанием "Мастера", еще не опубликованного, в шеститомник В.Каверина. Комиссия по литера-турному наследию Булгакова, где председательствовал Симонов, по-ложила рукопись романа перед ре-дактором журнала "Москва" Евге-нием Ефимовичем Поповкиным, не забыв приобщить к ней толкова-ние-комментарий Вулиса. Поповкин прочел и сказал: "О романе так по-добно лишить, пора печатать".

Тем не менее публичная жизнь романа, как говорится, поменьше-полегонку началась. Его коллизии, главным образом, по изложению их в монографии Вулиса, стали извест-ными все расширяющемуся кругу людей и кроме Симонова, Софро-нова, Боровика. Вулису рассказали, в частности, что Симонов использо-вал его монографию в виде научно-го аргумента, когда решался вопро-с, включать или не включать статью с упоминанием "Мастера", еще не опубликованного, в шеститомник В.Каверина. Комиссия по литера-турному наследию Булгакова, где председательствовал Симонов, по-ложила рукопись романа перед ре-дактором журнала "Москва" Евге-нием Ефимовичем Поповкиным, не забыв приобщить к ней толкова-ние-комментарий Вулиса. Поповкин прочел и сказал: "О романе так по-добно лишить, пора печатать".

Тем не менее публичная жизнь романа, как говорится, поменьше-полегонку началась. Его коллизии, главным образом, по изложению их в монографии Вулиса, стали извест-ными все расширяющемуся кругу людей и кроме Симонова, Софро-нова, Боровика. Вулису рассказали, в частности, что Симонов использо-вал его монографию в виде научно-го аргумента, когда решался вопро-с, включать или не включать статью с упоминанием "Мастера", еще не опубликованного, в шеститомник В.Каверина. Комиссия по литера-турному наследию Булгакова, где председательствовал Симонов, по-ложи